

КАК СРАВНИВАТЬ ПОСТСОВЕТСКИЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ОБЩЕСТВА?

Олеся Кирчик, Мариана Эредиа

Олеся Кирчик — старший научный сотрудник Государственного университета — Высшей школы экономики. Адрес для переписки: ГУ ВШЭ, 101000 Москва, ул. Мясницкая 18, Россия. okirchik@hse.ru.

Мариана Эредиа — научный сотрудник Аргентинского научного совета (CONICET), преподаватель социологии университетов Буэнос-Айрес и Сан-Мартина. Адрес для переписки: Mariana Heredia, Instituto de Altos Estudios Sociales (IDEAS-UNSAM), Paraná 145 5to.piso A (C1017AAC), Ciudad de Buenos Aires, Аргентина. heredia.mar@gmail.com, mar_heredia@hotmail.com.

Настоящий выпуск «Laboratorium» предлагает вниманию читателей результаты эксперимента по сравнению поставторитарных трансформаций, начавшихся более двадцати лет назад в Латинской Америке и бывшем Советском Союзе. Наше решение обратиться к этой теме не вызвано недостатком посвященных ей работ. Начиная с 1970-х годов был создан внушительный массив научной литературы о процессах демократизации и рыночной либерализации, затронувших вначале Южную Европу и Латинскую Америку, а несколько позже — страны Центральной и Восточной Европы¹. Однако большинство исследований, проведенных в одном регионе — и в особенности те из них, результаты которых опубликованы на национальных языках, — остаются мало известны специалистам.

Это связано прежде всего с практически полным отсутствием институционально закрепленных научных связей между Латинской Америкой и постсоветским пространством, по сей день остающимися друг для друга территорией сколь завораживающей, столь и неизвестной. Не случайно идея данного номера возникла не в Москве и не в Буэнос-Айресе, а в Париже — одном из тех интеллектуальных центров, с которым у обоих регионов имеются долгие традиции интеллектуального и культурного обмена. Благодаря совместной работе во французской

---

1 Среди многочисленных работ по теме стоят упоминания среди прочих: O'Donnell, Schmitter, and Whitehead 1986; Diamond, Linz, and Lipset 1988; и Przeworski 1991.

столице составители номера получили редкую возможность на протяжении нескольких лет делиться друг с другом опытом проведения исследований в России и Аргентине. Этот обмен позволил сформулировать два базовых для настоящего выпуска тезиса.

Во-первых, несмотря на географическую удаленность этих стран, наблюдаемые в них социальные и политические процессы обнаруживают удивительные сходства. Во-вторых, сравнительная рефлексия о разных аспектах поставторитарных трансформаций позволяет осветить «слепые зоны» стандартной теории демократизации и либеральной модернизации, которая стремится представить их в качестве универсального сценария развития, пренебрегая анализом конкретных случаев.

ОТ «ПЕРЕХОДА» К «ТРАНСФОРМАЦИИ»

Со времени публикации основополагающей статьи Данкварта Растоу в 1970 году (Rustow 1970) процессы демократизации в различных регионах мира осмыслились преимущественно в рамках концепции *перехода* (transition). Данный подход казался в то время относительно новым (Rist 2001), но сама идея была далека от оригинальности. Она отражала традиционное для элит «периферийных» стран стремление «догнать» западно-европейские страны, имитируя их модель. В силу этого нетрудно показать нормативный и прескриптивный характер теории «перехода» (Schmitter 1995). Она претендует на «объяснение» процессов трансформации, в то же время указывая странам правильный путь этих изменений. Цель транзитологии (обширного поля, включающего в себя как исследователей, так и политиков, граница между которыми перестала быть отчетливой) состояла в том, чтобы предложить набор аксиом и предписаний, применимых в *любой* «развивающейся» стране.

Порожденная подобным технократическим оптимизмом волна реформ прокатилась по разным континентам. Тем не менее с самого начала понятие «перехода» стало предметом острой критики, которую можно суммировать в виде двух основных аргументов. С одной стороны, указанные изменения протекают в очень разных политических и культурных контекстах и имеют очень разные исходные точки (на что указывают различные версии аргумента «path dependency» — зависимости от траектории предшествующего развития). С другой стороны, понятие «перехода» подразумевает излишне линейную и позитивистскую теорию изменения, будто его исходная и конечная точки могли быть заранее определены². Реальный опыт изменений продемонстрировал ограничения и недостатки проектов социальной инженерии. Вместо того чтобы прийти в соответствие с единой моделью, экономические и политические системы развивающихся и посткоммунистических стран на деле проследовали очень разными путями.

Накопив некоторое количество знаний о процессах трансформации, исследователи-транзитологи, как и их критики, обнаружили разнообразие стоящих за

2 Обзор и критику «транзитологической» литературы можно найти в: Bunce 2000; Dobry 2000; Гельман 2001.

ними моделей, трендов и темпоральностей. Кажется, единственный общий вывод, к которому смогли прийти исследователи, состоял в том, что результаты реформ в отдельных странах оказались гораздо более непредвиденными и неоднозначными, чем ожидалось. Последовавшие за этим многочисленные кейс-стади, как и сравнительные исследования демократического транзита, поместили в фокус внимания скорее неопределенность ситуаций и неизвестность, с которыми столкнулись акторы, чем общие социальные, экономические или культурные детерминанты изменений. Это позволило говорить об «относительной неудаче» (Santiso 1996: 44) транзитологии в ее поиске «универсальных уроков» и «общих законов» перехода к рыночной демократии.

Терминологический сдвиг от «транзита» к «трансформации», предложенный критиками классической транзитологии (Stark 1992), отражает значимый эпистемический поворот, соответствующий концу Большой Теории. Он предполагает, по меньшей мере на уровне намерений, отказ от телеологических объяснений и признание множественности путей изменения и организационных форм, которые всегда представляют собой комбинацию «современных» и «традиционных» элементов. Данное методологическое положение обусловило наш осознанный выбор в пользу использования термина «трансформации» в названии этого номера.

Но следует ли на основании сказанного выше заключить, что не существует общих паттернов трансформаций и что сравнение лишено смысла? Вслед за критиками обобщающих схем следует уделять необходимое внимание единичным феноменам и локальным контекстам. В самом деле, до некоторой степени полезным противоядием от детерминизма может послужить релятивизм. Однако радикальные версии подобной исследовательской стратегии предполагают отказ от попыток обнаружить сходства и различия в процессах социально-исторического изменения. По нашему мнению, эвристическая ценность сравнительных исследований состоит, напротив, в их потенциальной способности выявить явления, переступающие границы частных контекстов. Поэтому в ходе работы над номером мы стремились привлечь авторов, разделяющих установку на преодоление контрпродуктивной дихотомии между универсализмом, кроющимся за (западным) этноцентризмом, и тотальной идиосинкразией, провозглашаемой местными «популистами».

ЗАЧЕМ СРАВНИВАТЬ «ЮГ» И «ВОСТОК»?

Уместность транснациональной перспективы связана в первую очередь с удивительной синхронностью поставторитарных трансформаций. Глобализация была необходимым условием этих изменений постольку, поскольку обеспечила международную циркуляцию капитала, идей и промоутеров «транзита». Кроме того, она дала возможность исследователям из разных стран и континентов обмениваться данными и результатами своей работы. Несмотря на это организаторы большинства сравнительных исследований продолжают фокусироваться на внутрирегиональном анализе либо сопоставляют идеализированные модели рыночной демократии (Западная Европа и США) и отдельные страны

остального мира³. Интеллектуальный обмен между «Югом» (Латинская Америка) и «Востоком» (бывший СССР) остается сложной задачей, ставящей ряд специфических методологических проблем.

Первая трудность, как указывают многие исследователи-компаративисты, связана с существенными различиями в экономических и политических условиях, культурах и историческом пути этих двух регионов (Nelson et al. 1994; Bunce 2000). Указанные несходства являются аргументом в поддержку сторонников внутрирегионального анализа, полагающих, что так называемые «региональные исследования» (area studies) являются более продуктивной исследовательской стратегией⁴. В отличие от межрегиональных сравнений она обеспечивает «естественный» контроль некоторых контекстуальных переменных, таких как географическое положение или культурные и экономические характеристики, тем самым позволяя оценить вариации значений других переменных. Данный аргумент может действовать для некоторых регионов, но этого нельзя сказать о постсоветском пространстве и Латинской Америке: среди бывших советских республик разнообразия не меньше, чем внутри Бразилии или между Аргентиной и Сальвадором.

Вторая существенная трудность состоит в различиях темпа, программы и глубины поставторитарных трансформаций в этих двух регионах. В то время как посткоммунистическим странам пришлось предпринять фундаментальную реорганизацию политических и экономических структур, большинство латиноамериканских стран «лишь» скорректировали и реактивировали существующие рыночные и демократические институты. Как нередко подчеркивалось, латиноамериканские общества, как правило, обладают более долгой и более глубоко укорененной демократической традицией. Вследствие этого авторитарное прошлое оказывает более слабое влияние на общество в этом регионе, чем в посткоммунистических странах (см., к примеру, Hermet 2001).

Данный аргумент трудно оспорить, и в то же время систематическое сравнение способно ослабить значение региональных границ. Выбранная нами перспектива позволяет избежать одной из частых ошибок, состоящей в рассмотрении культурных ареалов как закрытых самодостаточных единиц. Напротив, следует учитывать взаимные влияния и «культурные трансферы», лежащие в основе конструирования и деконструирования наций (Espagne 1999: 35–37). В этом смысле недавние трансформации в странах Юга и Востока могут быть лучше поняты не по отдельности, но как часть общей «модернизационной атаки» (последней в длинном списке), вовлекшей местные и международные элиты в формирование институтов, вдохновленных западными образцами.

---

3 Среди немногочисленных публикаций последних лет, в которых предпринимается попытка сравнения «незападных» стран между собой, можно отметить: Andreff 2006, Haggard and Kaufman 2008, May and Milton 2005 (см. рецензии на две последние книги в этом номере).

4 Для более подробного ознакомления с дискуссией между сторонниками «area studies» и «компаративистами» см.: Schmitter and Karl 1994; Bunce 1995; Hall and Tarrow 1998.

Термин «модернизационное наступление» («modernization offensive») был предложен Петером Вагнером (Wagner 1994) взамен элиасовской идеи «процесса цивилизации». Он представляется более уместным в силу того, что рассматриваемые трансформации были инициированы довольно узкими и хорошо идентифицируемыми группами акторов. Эти группы разделяли общее видение изменений или специфическое реформистское мировоззрение, которое определило содержание и способы политического вмешательства. И хотя их деятельность протекала в различных исторических контекстах, схожие цели повлекли за собой схожие, пусть не всегда ожидаемые, последствия. Так, многочисленные кейс-стади выявили общие для большинства из них явления, такие как инерция структур и практик, контрреакция со стороны старых групп, увеличение социального и экономического неравенства, возрождение национализма и политики этнической идентичности и так далее.

Анализ этих «исторических параллелей» (Skocpol 1994) позволяет нам выявить иные типы каузальности, нежели обусловленность традиционными культурными, экономическими или историческими факторами, и, к примеру, идентифицировать общую «логику ситуации» или «типы транзита» (Munck and Leff 1997). Как можно убедиться на примере статей, собранных в этом номере, данная аналитическая стратегия дает возможность пересмотреть более ранние концепции «перехода», подвергнуть проверке существующие теории и сформулировать новые вопросы.

Наконец, сравнение между различными «незападными» странами эпистемологически и теоретически оправдано в силу того, что оно позволяет преодолеть «самоуничительный» тип анализа, характерный для исследователей из этих обществ (пришедшие ему на смену антиамериканские и в целом антизападные настроения являются не чем иным, как обратной стороной этого явления). По замечанию Альберта Хиршмана, общая привычка латиноамериканцев проклинать свою действительность делала их неспособными извлечь какие-либо уроки из своего прошлого опыта (Hirschman 1971: 311–312). Складывается впечатление, что оба региона не способны определить себя иначе, как через их отношение к условному Западу. Они будто обречены постоянно колебаться между более или менее удачными попытками «имитировать» его образец и претензиями на фундаментальную инаковость.

В самом деле, любое исследование «периферийной» страны содержит имплицитное или эксплицитное сравнение с идеализированным представлением о демократии или о рынке, сформированным западными теоретиками. Это представление редко соответствует действительному положению дел в старых рыночных демократиях, но подобное сравнение всегда оказывается в пользу последних, а его результаты формулируются в терминах запаздывания или отклонения. Исследуя «южные» или «восточные» институты, аналитики нередко квалифицируют их как «неполная демократия», «несовершенный рынок», «слабое гражданское общество». В свою очередь, сравнение между периферийными странами, а точнее сопоставление их «неудач» и «девиаций», не может дать единый рецепт «эволюции» или «успеха», но может способствовать более рефлексивному взгляду на их (не)способность быть как «развитый мир».

ТРУДНОСТИ ПОДГОТОВКИ НОМЕРА

Подготовка этого тематического выпуска (поиск авторов статей, анонимных рецензентов и книг для рецензий) оказалась непростой задачей. Это связано как с объективным недостатком интеллектуальных связей между двумя академическими мирами, так и с методологическими предпочтениями редакции и составителей.

Латиноамериканские исследования на постсоветском пространстве развиты относительно слабо (в России они представлены Институтом Латинской Америки РАН и рядом других менее крупных научных центров), и в еще меньшей степени — российские исследования в Латинской Америке. Кроме того, большинство таких специалистов не занимаются сравнительными исследованиями и — по причинам скорее институционального, нежели интеллектуального толка — функционируют внутри «гетто» регионалистики, имеющих мало контактов с представителями «общих» дисциплин (таких как социология, история и антропология). Наиболее простое решение состояло бы в том, чтобы привлечь к участию в номере американских или западно-европейских исследователей, вовлеченных в плотные международные сети, располагающих необходимым финансированием и другими ресурсами для проведения сравнительных исследований (не случайно специалисты одновременно по обоим регионам встречаются в основном среди американских коллег).

Однако этот номер был задуман как приглашение к диалогу исследователей из Латинской Америки и постсоветских стран. На практике это условие удалось соблюсти не полностью, и нам пришлось иметь дело с авторами и рецензентами с четырех континентов, пишущих на четырех разных языках (испанском, русском, английском и французском). При этом в соответствии с установкой «Laboratorium» на междисциплинарность авторы и рецензенты являются специалистами в разных областях, включая социологию, антропологию и политическую науку.

Предпочтительной методологической опцией для этого типа межкультурной и междисциплинарной коммуникации могли бы показаться статистика и моделирование, чей абстрактный язык пренебрегает границами между областями знания и национальными культурами. Тем не менее этот тематический выпуск задумывался как сборник статей, основанных на *полевых исследованиях*. Этот выбор прежде всего определяется тем, что такая методологическая установка предполагает отказ от априорных каузальных схем. Вместо того чтобы двигаться от концептов к сбору данных, как в случае массовых опросов, авторы вынуждены создавать и уточнять используемые ими категории в ходе диалога между «полями». Как показывают другие опыты в сфере сравнительного культурного анализа, похожие понятия могут отсылать к очень разным явлениям (Latont 1992) и их значения становятся яснее при сопоставлении. Однако авторы подавляющего числа работ, посвященных сравнительному анализу и теоретизированию на основе исследований в Латинской Америке и восточно-европейских странах⁵, фокусируются на

---

5 Przeworski 1991; Nelson et al. 1994; Lijphart and Waisman 1996; Linz and Stepan 1996; Munck and Leff 1997; Haggard and Kaufman 2008.

макрополитических и экономических трансформациях. Углубленные, основанные на полевой работе эмпирические исследования случаев в обоих регионах крайне редки.

Указанные выше трудности хотя бы отчасти объясняют тот факт, что для всех участников данного проекта этот опыт межконтинентального сравнения стал первым. Исходные углубленные исследования случаев, проделанные каждым(ой) из них, не были задуманы как части единого сравнительного проекта. В силу этого поля, данные и исследовательские вопросы были не всегда полностью сопоставимы. Некоторые авторы, представившие совместные статьи, были знакомы друг с другом и имели возможность обсуждать результаты своих исследований еще до участия в проекте. В остальных случаях нам пришлось «сводить» авторов, которые работают по схожим темам, но которым не приходилось ранее слышать друг о друге. Чтобы частично компенсировать эти ограничения, мы попросили авторов дополнить статьи общим заключением, сопоставляющим основные результаты, представленные в статьях, и намечающим диалог между анализируемыми случаями. Однако данная стратегия приносила успех не всегда. От некоторых тем (популярная музыка, религия, армия, профсоюзы) пришлось отказаться: не удалось найти автора с одной или другой стороны или авторы не смогли наладить продуктивный диалог.

С учетом этих трудностей, а также формата журнальной публикации в наши задачи не входило систематическое сравнение между Латинской Америкой и постсоветскими странами. Настоящий выпуск представляет собой скорее попытку протестировать уместность и теоретическую значимость выбранной аналитической стратегии на примере таких разных тем, как общественные движения, политика памяти или сельская экономика, каждая из которых приобрела особую остроту в контексте поставторитарных трансформаций. Конечно, список предметов для сравнения мог бы быть продолжен или изменен. Однако все они эксплицитно или имплицитно содержат общий ключевой мотив: последствия неолиберальной политики для разных сфер общества.

Большинство статей этого номера посвящены различным аспектам изменений в Аргентине и России. Это связано не столько с сознательным выбором, сколько с национальной и институциональной принадлежностью редакторов. Тем не менее в ряде статей представлены результаты сравнительного анализа данных, собранных в других латиноамериканских странах и бывших советских республиках, таких как Мексика, Молдова или Латвия.

В первом тематическом блоке собраны статьи, рассматривающие институциональные сдвиги, произошедшие в результате реформ, имевших целью политическую и экономическую модернизацию. Номер открывает статья Кирчик и Эредиа, в которой сравнивается опыт экономических реформ в Аргентине и России в исторической перспективе, включая первые попытки либерализации в конце 1970-х годов. Статьи Перуццотти, Досэ и Фаринетти посвящены анализу различных реакций на экономическую либерализацию со стороны гражданского общества и общественных движений — также в Аргентине и России. За ними следует статья Белтрана и Хасса, в которой предложена сравнительная рефлексия на тему

формирования новых классов предпринимателей, а также изменений отношений между бизнесом и государством в этих двух странах. Машкова и де Филиппис, в свою очередь, сравнивают пенсионные реформы в Аргентине и Молдове.

Второй тематический блок включает в себя статьи, авторы которых фокусируют внимание на проблемах социальных связей, которые подверглись суровому испытанию в период реформ. Совместная статья Аренаса и Дзеновски предлагает увлекательное путешествие по уличным баррикадам в Оахаке и Риге. Кесслер, ди Вирхилио и Ярошенко анализируют феномен «новой бедности» в России и Аргентине, в то время как Бидасека и Виссер размышляют о том, как в этих двух странах изменилось положение небольших крестьянских и фермерских хозяйств в результате экономической либерализации и реформы земельной собственности. Память о жертвах диктаторских режимов является темой статей Кателы и Дорман. Наконец, Брайтман, Гротти и Ултургашева предлагают обзор деятельности международной сети исследователей, изучающих автохтонные народы Амазонии и Сибири, и размышляют о теоретическом и практическом значении этого сравнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Andreff, Wladimir (ed.). 2006. *La transition vers le marché et la démocratie. Europe de l'Est, Europe Centrale et Afrique du Sud*. Paris: La Découverte.
- Bléjer, Mario I., and Marko Škreb. 2001. *Transition: The First Decade*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Bunce, Valerie. 1995. "Comparing East and South." *Journal of Democracy* 6(3):87–100.
- Bunce, Valerie. 2000. "The Place of Place in Transitions to Democracy." Pp. 71–90 in: Michel Dobry (ed.) *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe: Lessons for the Social Sciences*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers.
- Dabène, Olivier. 2006. *L'Amérique latine à l'époque contemporaine*. Paris: Armand Colin.
- Diamond, Larry, Juan Linz, and Seymour Martin Lipset. 1988. *Democracy in Developing Countries*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Dobry, Michel. 2000. "Paths, Choices, Outcomes and Uncertainty. Elements for a Critique of Transitological Reason". Pp. 49–70 in Michel Dobry (ed.) *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe: Lessons for the Social Sciences*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers.
- Espagne, Michel. 1999. *Les transferts culturels franco-allemands*. Paris: PUF.
- Гельман, Владимир. 2001. "Постсоветские политические трансформации: наброски к теории." *Полис* 1:55–69.
- Haggard, Stephan, and Robert R. Kaufman. 2008. *Development, Democracy, and Welfare States: Latin America, East Asia, and Eastern Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Hall, Peter, and Sidney Tarrow. 1998. "Globalization and Area Studies: When Is Too Wide Too Narrow?" *Chronicle of Higher Education*. 44:B4–B5.
- Hermet, Guy. 2001. "Les démocratisations au vingtième siècle: une comparaison Amérique latine/Europe de l'Est." *Revue internationale de politique comparée* 8(2):285–304.
- Hirschman, Albert O. 1971. *A Bias for Hope: Essays on Development and Latin America*. Boulder and London: Westview Press.
- Lamont, Michèle. 1992. *Money, Morals, and Manners. The Culture of the French and American Upper-Middle Class*. Chicago: Chicago University Press.
- Lijphart, Arend, and Carlos Waisman (eds.). 1996. *Institutional Design in New Democracies. Eastern Europe and Latin America*. Boulder, CO: Westview.
- Linz, Juan J., and Alfred Stepan. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Munck, Gerardo L. and Carol Leff. 1997. "Modes of Transition and Democratization. South America and Eastern Europe in Comparative Perspective." *Comparative Politics* 29(3):343–62.
- Nelson, Joan M. et al. 1994. *Intricate Links: Democratization and Market Reforms in Latin America and Eastern Europe*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- O'Donnell, Guillermo, Philippe Schmitter, and Laurence Whitehead 1986. *Transitions from Authoritarian Rule*. 4 vols. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Przeworski, Adam. 1991. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rustow, Dankwart. 1970. "Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model." *Comparative Politics* 2(3):337–363.
- Rist, Gilbert. 2001. *Le développement. Histoire d'une croyance occidentale*. Paris: Presses de Sciences Po.
- Santiso, Javier. 1996. "De la condition historique des transitologues en Amérique latine et Europe centrale et orientale." *Revue internationale de politique comparée* 3(1):41–68.
- Santiso, Javier. 2003. *The Political Economy of Emerging Markets. Actors, Institutions, and Financial Crises in Latin America*. New York: Palgrave Macmillan.
- Schmitter, Philippe, and Terry Karl. 1994. "The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far East Should They Attempt to Go?" *Slavic Review*. 53(1):173–185.
- Schmitter, Philippe. 1995. "Transitology: The science or the Art of Democratization?" Pp. 11-41 in: Joseph C. Tulchin, Bernice Romero (eds.). *Consolidation of Democracy in Latin America*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Skocpol, Theda. 1994. *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stark, David. 1992. "From System Identity to Organizational Diversity: Analyzing Social Change in Eastern Europe." *Contemporary Sociology* 21(3):299–304.
- Wagner, Peter. 1994. *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. London; New York: Routledge.